

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81

А. Ю. Желтов

НЕНОМИНАТИВНОСТЬ В НИГЕР-КОНГО*

Языки нигер-конго мало освещены с точки зрения ролевой типологии. Г.А. Климов¹, не найдя им места ни в одном из ролевых типов, выделил их в особый тип, который он назвал «языки с именными классами», отмечая возможный недостаток материала для их классификации [1]. При этом он выдвинул гипотезу о том, что языки с именными классами стадильно могут предшествовать языкам активного строя, которые, в свою очередь, предшествуют эргативным и номинативным/аккузативным языкам. Однако очевидно, что данная характеристика взята из совершенно другой парадигмы. Кроме того, многие языки, в которых также есть именные классы, вполне успешно классифицируются по основным ролевым типам. В типологических обзорах языки нигер-конго достаточно редко упоминаются в контексте ролевой типологии. Так, например, в Лингвистическом энциклопедическом словаре ни для одной из групп или языков этой семьи не указан доминирующий тип маркировки ролей (в отличие от многих других семей и языков) [2]. В монографии, посвященной неканоническим типам маркировки ролей в языках мира, не упомянут ни один язык нигер-конго [3]. Крайне мало указаний на ролевые типы для языков нигер-конго и в базе данных WALS [4]. В типологическом обзоре Дж. Николз [5] языки фула (атлантические), гбайя (адамауа-убанги), йоруба (бенуэ-конго)², луганда (банту) определяются как преимущественно аккузативные, а язык мандинка (манде) — как преимущественно нейтральный и аккузативный для местоимений³. В последнем типологическом обзоре африканских языков Д. Крессельс пишет о субъектно-объектной глагольной индексации (именно она является ведущим формальным средством для выражения ролей во многих языках нигер-конго): «Я не знаю ни одного африканского языка, у которого субъект непереходного глагола маркируется идентично с объектом и отлично от субъекта переходного глагола, т.е. с системой субъектно-объектного маркирования, соответствующей эргативной стратегии». В разделе, посвященном падежному маркированию, он отмечает, что, «хотя для некоторых

*Материал подготовлен при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на 2009 г.

© А. Ю. Желтов, 2010

африканских языков делались попытки выделить эргативные характеристики», ему «неизвестно ни одного отчетливого случая эргативного типа падежной маркировки» [6, р. 234, 236]. В качестве объяснения отсутствия эргативности в африканских языках приводится доминирующий порядок слов SVO, которому не свойствен эргативный тип маркировок. Однако далеко не во всех языках Африки, в частности нигер-конго, порядок слов — SVO. Кроме того, автору известен ряд серьезных описаний явления эргативности в языках Африки: для чадского языка мандара [7], для нилотского языка пари [8], для берберских языков [9]. Что касается языков нигер-конго, то в целом они, без сомнения, демонстрируют аккумулятивность. В качестве формальных средств используется глагольная индексация или порядок слов. У имен маркеры падежа отсутствуют, у местоимений (как независимых, так и приглагольных) субъектные и объектные формы могут совпадать, а могут различаться. В первом случае для различения ролей служит порядок слов в синтагме или порядок употребление приглагольных согласователей, во втором — порядок элементов дублирует отличия между формами. При этом внутри одной парадигмы могут встречаться совпадающие и различные формы. Так, например, в гбан (манде) все субъектные и объектные формы местоимений совпадают, кроме 3 л. ед. ч., в суахили (банту) совпадают формы 1 л. и все формы 3 л., кроме местоимения ед. ч. класса людей — у последней формы и местоимений 2 л. субъектные и объектные формы различны. Совпадение форм местоимений можно трактовать как проявление сепаратистской стратегии выражения ролевого и дейктического измерения: морфологическая форма выражает дейктические характеристики, порядок элементов — ролевые. Интересно, что часто различные формы отсутствуют для самого высокого и низких уровней дейктической иерархии, т.е. наблюдается процесс, в какой-то степени обратный описанному в известной статье М. Сильверстейна [10]. Можно предложить следующую интерпретацию данного явления: система ориентирована на дейксис, а не на роли — ролевые характеристики не могут ни повысить статус элементов нижних уровней при использовании их в качестве субъекта, ни понизить статус элементов самого верхнего уровня при использовании их в качестве объекта. Отсутствие изменений в иерархическом статусе при взаимодействии дейктических и ролевых характеристик блокирует необходимость различных форм. Для элементов средних уровней, находящихся в наиболее динамическом состоянии, влияние ролевых характеристик, видимо, меняет иерархический статус местоимений, что делает необходимым наличие различных форм⁴.

В целом можно предположить, что возможные отклонения от доминирующей аккумулятивной стратегии следует ожидать при взаимодействии ролевого, дейктического и прагматического уровней с учетом других влияющих на ролевую маркировку явлений, описанных выше. Упоминания о подобных отклонениях в литературе по языкам нигер-конго крайне редки, но все же можно назвать три работы: Т. Руд описывает активную стратегию маркировки ролей для местоимений и эргативную — для имен в лоома (манде) [12], Г.В. Зубко отмечает выделенные Г.А. Климовым импликации активного строя в языке фула [13], В.Ф. Выдрин — особую эргативную серию местоимений для некоторых языков манде южной группы [14]⁵. Проведенный автором данной работы анализ материала языков нигер-конго позволяет значительно расширить список языков и явлений, имеющих отношение к отклонениям от аккумулятивной стратегии маркировки ролей. При этом учитывалась как возможность взаимодействия ролевого измерения с дейктическим и прагматическим, так и возможность других описанных выше «сплитов».

Представляется важным исследовать данные процессы в различных группах данной семьи, так как это позволит проследить возможную динамику процессов ролевого маркирования. Примером важности именно такого подхода может служить поиск свидетельств о неноминативном праиндоевропейском прошлом в языках-потомках в традиции индоевропейского языкознания. Эта традиция восходит к замечанию Х.К. Уленбека об эргативном характере падежа на -es в праиндоевропейском языке [17]. В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов, развивая идеи Г.А. Климова о предшествовании активно-стативной стратегии маркировки ролей эргативной и номинативной, выдвинули гипотезу об активном характере праиндоевропейского языка на ранних стадиях его развития [18; 1]. Именно эта идея авторов фундаментальной двухтомной монографии была признана наиболее принципиальной известным индоевропеистом В. Леманом [19]. Еще ранее И.М. Тронский [20] приводил некоторые факты из латыни и греческого, которые свидетельствуют о наличии в данных языках элементов неноминативности. Б. Бауэр посвятила поиску элементов неноминативности в индоевропейских языках отдельную монографию [21]⁶. В значительной степени эти идеи опираются на предложенную еще А. Мейе реконструкцию бинарной системы именной классификации в праязыке: так называемый «общий», или «одушевленный», род (или класс) и «средний», или «неодушевленный», род при более позднем разделении первого на «мужской» и «женский». Подобное противопоставление «одушевленного» (активного) и «неодушевленного» (пассивного) классов действительно коррелирует с предлагаемым Г.А. Климовым делением имен на два подобных класса как одной из главных импликаций активного (или активно-стативного) типа языков. Таким образом, проблема ролевого маркирования оказывается тесно связанной с проблемой именной классификации, которая широко представлена в языках нигер-конго.

Далее рассмотрим примеры отклонения от стандартной аккумулятивной стратегии маркировки ролей в языках нигер-конго.

I. Маркировки ролей у имен и местоимений

1. Именные тональные «падежи» в умбунду (банту) [22].

Здесь можно наблюдать взаимодействие ролевых и прагматических характеристик. Имена в умбунду могут быть маркированы двумя типами тонов (А и Б), употребление которых зависит от наличия/отсутствия аугмента (начального гласного) и синтаксических функций имени (табл. 1).

Таблица 1. Распределение тонов в именах в умбунду

	+ аугмент	– аугмент
предикатив	А	А
объект	А	Б
остальные функции	Б	Б

Тон А появляется в именах с аугментом в контекстах, которые могут быть интерпретированы как фокализированные (или нетопикализированные): словарное употребление,

функция предикатива («Это — животное»), первое дополнение утвердительной глагольной формы в независимой предикации, наиболее «слабое» (нет согласования с глаголом) дополнение при дитранзитивных глаголах, второй элемент ассоциативной (комитативной) именной группы («лев и (с) крокодил(ом)»). Таким образом, тон А маркирует фокализованные контексты, включающие ряд объектных функций и ряд других. Остальные объекты маркируются тоном Б, как и субъект, что напоминает эргативную стратегию в комбинации с прагматическими факторами. Однако имена без аугмента (главным образом, имена собственные) по своей природе более топиализованные, поэтому для их маркирования «нетопикализированным» тоном А и, следовательно, потери топиализации требуется более отчетливо фокализованный контекст, чем позиция объекта — словарная или предикативная функция, а во всех объектных функциях они сохраняют тон Б и не теряют топиализованности. Данное распределение контекстов употребления тона А в умбунду весьма напоминает употребление аккузатива в латыни и древнегреческом, где он не только маркирует прямое дополнение, но и употребляется в ряде других фокализованных контекстов: в клятвах, приложении, обращении (с пейоративным оттенком), восклицании (Accusativus exclamationis), в конструкциях с анаколумом и пролеписом и т.д.⁷

2. «Нефокусные» (*out of focus*) объектные и «нетопикализированные» субъектные формы в **агем** (западные грассфилдз банту) [26].

Когда субъект фокусируется и, следовательно, употребляется в нетипичном для него нетопикализированном контексте, он занимает позицию объекта, а позиция субъекта замещается «фиктивным» (*dummy*) субъектом. Объектные формы, которые топиализуются и выводятся из фокуса, имеют особые «нефокусные» формы (суффикс вместо префикса) и в некоторых контекстах оказываются неотличимыми от субъектных маркеров. То есть фокализованный объект становится похожим на субъект, а топиализованный объект — на субъект. Снова мы наблюдаем взаимодействие ролевых и прагматических характеристик.

3. Прономинальные падежи: активная стратегия или топик/фокус?

Лоома (юго-западные манде) [12] (для всех видовременных форм, кроме перфектива)

а. gá	<i>lí</i>	<i>zu</i>	б. gá	<i>té</i>	<i>ya</i>	<i>zu</i>	в. <i>tá</i>	gé	<i>ya</i>	<i>zu</i>
мы	идти	ТАМ	мы	их	видеть	ТАМ	они	нас	видеть	ТАМ
г. ge			<i>βala</i>				<i>βε</i>			
мы (букв. нас)			быть большим				ТАМ «мы — большие».			

Форма 1 л. мн. ч. в а) и б) относится к парадигме агентивных субъектных местоимений, а форма для в) и г) является общей для пациентивных субъектов (только для qualificативных глаголов — другие пациентивные субъекты, например с глаголами типа «лежать», маркируются местоимениями из агентивной парадигмы) и объектов. В данном случае интерпретация данного типа маркирования как проявление активностативной стратегии представляется предпочтительной — нет оснований для прагматической интерпретации. При этом наблюдается изменение маркировки в зависимости от видовременных форм (для перфектива характерна аккузативная стратегия) и дейктических характеристик (активная стратегия характерна только для местоимений, а

для имен Н. Руд выделяет эргативную стратегию на основании чередований начального согласного). В.Ф. Выдрин, автор грамматики языка лоома, соглашается с активной интерпретацией прономинальных маркировок, но отрицает эргативный характер именного маркирования (Выдрин, устное сообщение).

Йоруба (бенуэ-конго, йорубоидные) [27].

В йоруба, в отличие от лоома, где к стативной парадигме относятся субъекты квалификативных глаголов, местоимения объектной (неагентивной) серии используются только для именной предикации (в лоома субъекты именных предикатов относятся к активной серии местоимений).

a. <i>òrìró</i>	<i>ní</i>	<i>é</i>
лжец	Foc	2sgO

Ты — лжец.

b. <i>dàdà</i>	<i>á</i>	<i>bí</i>	<i>é</i>
Дада	3sgS	просить	2sgO

Дада просит тебя.

Показатель фокуса делает пример а) похожим на ситуацию в умбунду, только более прозрачным: формой *e* маркируется скорее фокус, чем пациенс. Данная интерпретация представляется актуальной и для ряда других языков, где объектная серия местоимений используется для презентативных конструкций (типа, «это — я»), но не употребляется в других случаях именной предикации: **тепо** (кру) [28], **бауле** и **гонджа** (ква), **менде** и **тура** (манде), **догон**. Особенно отчетливо это проявляется в случаях, когда местоимение занимает правую позицию в синтагме: **тив** и **ламнсок** (бантоидные), **горный гуанг** (ква), **ликпе** (бенуэ-конго).

Подобная интерпретация представляется более проблематичной для **дука** (платоидные, бенуэ-конго), где местоимения объектной серии 1 л. и 2 л. используются не только в презентативах (без вынесения в правую — фокализированную — позицию), но и в конструкциях идентификации (типа «я — учитель»). Возможность интерпретации в данной конструкции местоимения как фокализированной формы требует дальнейшего исследования.

Похожая, но более сложная ситуация наблюдается во **фрафра** (гур):

Man 1 sg используется в конструкциях типа 'it is me', 'I am (not) a farmer', 'he saw me', а *n/ne* 1 sg в конструкциях типа 'I am coming' и 'I saw him'.

Более сложная ситуация возникает при переходном глаголе с субъектом 1 л. и 2 л. и прономинальном объекте. Представляется, что изменение порядка слов и выбор местоимений из субъектной или объектной серии совершается под влиянием иерархии одушевленности, но характер этого влияния до конца не ясен:

— в случае выражения субъекта местоимением 3 л. — ситуация стандартная — порядок слов SVO, субъект из той же серии, что и для непереходных глаголов типа «идти» — *a* — 3 sg, объект — из той же серии, что и для конструкций типа «это — я» — *man* — 1sg.

А *nyε man* «Он видит меня»;

— в случае выражения субъекта местоимением 2 л. ед. ч. сохраняется порядок слов SVO, объект, как и ожидалось, из объектной серии, но и субъект также выражается местоимением объектной, а не субъектной серии:

Нот нуе тап? «Ты видел меня?» Субъектное местоимение 2 л. *нот* совпадает не с субъектным *но* в «ты пришел», а с объектным *нот* в «он видит тебя»;

— в случае субъектного местоимения 1 л. ед. ч. оно относится к субъектной серии, но порядок слов меняется на VSO, а прономинальные объекты (за исключением 3 л. ед. ч.) относятся к субъектной серии:

Нуе не но «видел я тебя».

Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело с весьма интересным и сложным влиянием на ролевую маркировку верхних (местоименных) уровней иерархии одушевленности, хотя нельзя исключать, что данная специфика связана с особенностями глагола «видеть», характерными для ряда языков нигер-конго. К сожалению, для всех перечисленных выше языков, начиная с бауле, нам доступны только весьма краткие сведения из обзорного сборника [29], в котором собраны примеры базовых синтаксических конструкций для достаточно большого числа языков Западной Африки.

4. Эргативные местоимения в южных манде [14, 30].

В соответствии с интерпретацией, предложенной В.Ф. Выдриным, можно выделить эргативную серию местоимений в гбан, мано и гуру. В гбан она выделяется только для конструкций с прономинальным объектом, при этом эргативная интерпретация данной серии не возможна для имперфектива и 2 л. мн. ч. (местоимение совпадает во всех функциях):

а. <i>ĩ</i>	<i>ta</i>	б. <i>ni</i>	<i>ĩ</i>	<i>bɛ</i>	в. <i>mɛ</i>	<i>ɛɛ</i>	<i>bɛ</i>
я	иду	ты	меня	берешь	я	тебя	беру

ĩ употребляется для субъекта непереходного глагола (а) и объекта (б) переходного, *mĩ* (гласный меняется по правилам регрессивной ассимиляции) — для субъекта переходного глагола (в).

Для 3 л. ед. ч. стратегия маркировки ролей выглядит как контрастивная:

г. <i>ɛ</i>	<i>ta</i>	д. <i>aa</i>	<i>a</i>	<i>bɛ</i>	е. <i>ye</i>	<i>ĩ</i>	<i>bɛ</i>
он	идет	вы	его	берете	он	меня	берет

ɛ используется для субъекта непереходного глагола (г), *a* — для объекта (д), *ye* — для субъекта переходных глаголов (е).

Для гбан возникновение особой — переходной (или эргативной) — серии, видимо, связано с морфонологическими процессами, происходящими при стыке местоименных форм субъекта и объекта (при порядке слов SOV), которые могут приводить к возникновению форм местоимений портманто. Возможность употребления местоимений этой же серии и для непереходных глаголов при сочетании с показателем имперфектива говорит скорее в пользу формально-контрактивной интерпретации данной серии, чем в пользу интерпретации содержательно-эргативной. Однако в гуру местоимения данной серии употребляются и при именном объекте и не имеют ограничений на эргативную интерпретацию в имперфективе.

II. Глагольная индексация

1. Эргативное согласование в оторо (кордофанские [31]).

а. <i>ŋi</i>	gwu-	<i>djɔ</i>	б. <i>ŋi</i>	gw-	<i>aŋöð</i>	-i
1sg	1кл.S-	спать	1sg	1кл.O-	see-	1sgS
Я сплю			Я вижу его			

Gwu- (**gw-** перед гласными) демонстрирует согласование по личному именному классу ед. ч. с субъектом непереходного глагола (а) и объектом (б) при той же позиции в глаголе — эргативная стратегия маркировки ролей.

в. <i>ŋi -ar ε</i>	nyi-	<i>djɔ</i>	г. <i>ŋi</i>	ny-	<i>-aŋöð-</i>	<i>i-</i>	<i>lɔ</i>	(<i>ŋi -ar ε</i> «мальчики»)
мальчики	16кл.S-	спать	1sg	16кл.O-	видеть-	1sgS-	plO	
мальчики спят			я вижу их (мальчиков)					

Nyi- (**ny-** перед гласными) демонстрирует согласование по 16 плюральному классу с субъектом непереходного глагола (в) и объектом (г) при той же позиции в глаголе.

2. Активная стратегия маркировки ролей в конструкциях с квалификативной предикацией в суахили (банту) (только для 3 л. ед. ч. = 1 класс и 2 л. мн. ч.)

а. <i>mtu</i>	a-	<i>na-</i>	<i>kimbia</i>	б. <i>mtu</i>	a-	<i>na-</i>	m-	<i>piga</i>
человек	3sg=1clS-	TAM-	бежать	человек	psg=1clS-	TAM-	3sg=1clO-	бить
Человек бежит.				Человек видит его (человека).				
в. <i>mtu</i>	<i>ni</i>	m-	<i>zuri</i>					
человек	Cor	3sg=1cl-	хороший					
Человек — хороший.								

a- в (а) и (б) демонстрирует субъектное согласование для активных предикатов, **m-** в (б) и (в) — объектное согласование для активных предикатов и субъектное согласование для квалификативной предикации.

Согласование в квалификативной предикации в суахили похоже на согласование в оторо — все лица, включая 1 и 2, согласуются с прилагательным по 1 (личному) именному классу. Как и в лоома, в суахили при неаккузативном типе маркировок задействованы квалификативные конструкции (кваликативные глаголы — в лоома, копулятивы с прилагательными — в суахили). Так же, как и в йоруба, в суахили в этих процессах задействована именная предикация.

3. Тональное эргативное согласование в гбан (манде).

Тон первого слога глагола в языке гбан в настоящем времени испытывает влияние тона последнего элемента именной группы субъекта непереходного глагола и объекта переходного. При этом субъект переходного глагола влияния на тон глагола не оказывает. В данном случае своеобразное тональное согласование по эргативной стратегии зависит от очевидно формальных характеристик. При порядке слов SOV в контакте с глаголом естественным образом оказываются именные группы субъекта переходного

глагола и объекта переходного, что часто встречается в языках нигер-конго и манде, в частности. Значительно более редким явлением можно назвать тональную прогрессивную ассимиляцию, которая и напоминает эргативное согласование:

а. <i>i` ta</i>	б. <i>i` blɔ bɛ́</i>
Я иду	Я хлеб беру

В примере (а) тон глагола, как и у субъекта, низкий; в примере (б) тон глагола, как и объекта, высокий. При этом лексический тон данного глагола — сверхвысокий.

4. Глагольная множественность.

Edo (бенуэ-конго, эдоидные) [32].

Маркер глагольной множественности **lo/le** указывает на множественное число объекта для переходных глаголов (а) и множественное число субъекта — для непереходных (б):

а. <i>òz ó fì-</i>	<i>ló óísísí</i>	<i>nè ó</i>	<i>gbè-</i>	<i>lé</i>	<i>úzó</i>
Ozo стрелять-Pl	выстрел	Rel	убивать-	Pl	антилопа
Букв.: «Озо выстрелил выстрелы, которые убили антилоп».					
б. <i>ìvbí</i>	<i>òsàsú</i>	<i>sò-</i>	<i>ló vbè</i>	<i>ú</i>	<i>òwá</i>
дети	Осасу	кричать-	Pl в	внутри	дом
Дети Осасу кричат дома.					

Оболо (бенуэ-конго, кроссриверские, нижние кросс) [33].

В оболо глагольная множественность обозначается особыми супплетивными основами глаголов, также маркирующими множественное число объекта для переходных глаголов и множественное число субъекта — для непереходных:

sî ---> **saaj** «идти (куда-то)- pl» (о нескольких людях или о нескольких местах).

В **супире** (сенуфо, гур) [34] **I+V** — деривативный суффикс, маркирующий повторяющееся действие для множественного числа объекта для переходных глаголов и множественного числа субъекта — для непереходных.

В **гвари** (нупоидные, бенуэ-конго) [35] используются два маркера завершенного действия: *lá* используется для ед. ч. объекта переходных глаголов и ед. ч. субъекта инхоативных глаголов, а *kí* используется для мн. ч. объекта переходных глаголов и мн. ч. объектов инхоативных глаголов.

III. Порядок слов

При порядке слов SOV — единственным формальным средством выражения ролей — достаточно сложно однозначно определить, является ли ролевое маркирование эргативным или аккузативным. Если в качестве критерия берется начальная позиция, то маркирование можно признать аккузативным, если позиция, непосредственно предшествующая глаголу, то маркирование будет эргативным. Определяющей может быть позиция служебных элементов, как в языке сонинке, где выделяются три порядка элементов в синтагме⁸:

Сонинке (манде) [36] (перфектив)

а. *ín rí*

Я пришел. S-V

б. *nán' kár-*

a

Корова быть мертвым- TAM. S-V-TAM

в. *à dà j à rintén' kári* S-TAM-O-V

Он TAM убивать лев.

Видно, что порядок слов различен для субъекта активного непереходного глагола «приходить» (начальная позиция непосредственно перед глаголом — S+V), для субъекта стативного непереходного глагола «быть мертвым» (начальная позиция непосредственно перед глаголом, но с последующим видовременным маркером — S+V+TAM), субъекта переходного глагола «убивать» (начальная позиция непосредственно перед видовременным маркером — S+TAM+O+V) и объекта (между видовременным маркером и глаголом — S+TAM+O+V). Таким образом, сонинке демонстрирует максимально контрастивную стратегию, определяемую как возможная, но не засвидетельствованную в языках как крайне неэкономичная — четыре различные маркировки (в стандартном контрастивном типе их всего три):

	A	
A		P
	<u>P</u>	

Стандартный контрастивный тип может быть выделен для бамана (манде) в перфективе и манинка (манде) в аористе⁹. Порядок слов для непереходного глагола в этих языках — S-V-TAM, для переходного — S-TAM-O-V. Позиция субъекта непереходного глагола — начальная позиция непосредственно перед глаголом с последующим видовременным маркером, для субъекта переходного глагола — начальная позиция непосредственно перед видовременным маркером с последующим глаголом, для объекта — позиция между видовременным маркером и глаголом:

	<u>A</u>	
A		P
	<u>P</u>	

IV. Нейтральная стратегия маркировки ролей

1. Нейтральность в дитранзитивных конструкциях в *донно со* (догон) [38].

При определенных — достаточно жестких — условиях в этом языке наблюдается нейтральная стратегия маркировки ролей, при которой различение ролей субъекта и объекта не маркируется ни падежами, ни глагольной индексацией, ни порядком слов. Подобное явление наблюдается при соблюдении следующих условий: 1) в дитранзитивной конструкции, 2) адресат при этом не должен занимать позицию между субъектом и объектом, 3) субъект и объект не должны быть выражены местоимениями и 4) должны совпадать по числу.

<i>Yaana</i>	<i>i</i>	<i>wə jine</i>	<i>anna</i>	<i>paui</i>	<i>tagaa</i>	<i>be</i>
женский	ребенок	незнакомец	мужчина	старый-ОМ	показал	Aux

Девочка показала **незнакомца** старику, или
Незнакомец показал **девочку** старику.

Если поменять порядок двух первых именных групп, результат будет таким же: роли субъекта и объекта неразличимы. Такой же результат будет наблюдаться и при вынесении в первую позицию адресата и употреблении затем субъекта и объекта (в любом порядке) — только роль адресата отчетливо определена, а роли субъекта и объекта неразличимы.

2. Нейтральность в релятивных конструкциях в *суахили* (банту).

Если и субъект, и объект конструкции с придаточным относительным принадлежит к одному и тому же классу (обычно эта ситуация возникает для 1 или 2 классов со значением «личность» ед. и мн. ч. соответственно), то контроль за показателем релятива может осуществляться как субъектом, так и объектом без каких-либо формальных различий:

<i>M- tu</i>	<i>a-</i>	<i>li-</i>	<i>ye-</i>	<i>m- kuta</i>	<i>ni</i>	<i>mw-alimu</i>	<i>w-angu</i>
1кл- человек	1клS-	TAM-	1клREL-	1клO-	встречать	Сор	1кл-учитель

Человек, который его встретил, — мой учитель.

Человек, которого он встретил, — мой учитель.

Похожие примеры нейтральности в релятивной конструкции встречаются в атлантических языках **касанга** и **биджаго (бидього)**, причем в том числе и в случаях выражения субъекта и объекта разными лицами:

биджаго (бидього)
okuta ɛŋgɔ ɛnaaʃooŋ-nɔ

«Это человек, который меня видел/ которого я видел» (*okuta* «человек», *naa* — 1 л. ед. ч., *ʃooŋ* — «видеть», *-nɔ* — показатель релятива)¹⁰.

Релятив может соотноситься и с субъектом, и с объектом.

Несомненно, для создания более полной и адекватной картины ролевого маркирования в языках нигер-конго должен быть проанализирован значительно более широкий материал. Тем не менее можно заметить, что эти языки предоставляют достаточно интересный материал, который, возможно, может позволить лучше понять механизмы возникновения отклонений от обычной для данной макросемьи аккузативной стратегии маркировки ролей. В частности, к подобным процессам можно отнести синтаксическую реинтерпретацию маркирования топика/фокуса, наличие категории глагольной множественности, ассимиляционные процесс между глаголом и непосредственно предшествующей ему именной группой в сочетании с порядком слов SOV.

Примечания

¹ Г.А. Климов опирался на материал языков банту.

² Ранее этот язык относился к группе языков ква.

³ Видимо, при анализе не учитывалось влияние порядка слов при определении ролей. Если принимать во внимание и его, а не только морфологические характеристики, то и мандинка может быть определен как преимущественно аккумулятивный.

⁴ Близкая к нашей интерпретация прилагательных местоимений в суахили представлена в: [11, с. 275–279].

⁵ Есть еще статья о семантике эргативных конструкций в зулу и коса (банту) [15], но здесь мы имеем дело с очевидными терминологическими проблемами, так как эргативных конструкций в общепризнанном смысле этого термина в статье не описывается. На возможность неоднозначной интерпретации термина «эргативность» указывал Р. Диксон [16].

⁶ В данном исследовании представлена также развернутая библиография работ по следам неноминативности в индоевропейских языках.

⁷ Подробнее см. [24; 25].

⁸ Ряд лингвистов, в частности В.Ф. Выдрин, не считает корректным использовать порядок слов в качестве диагностического критерия строя языка в рамках континентальной типологии. Стоит, однако, заметить, что, например, в [11] при анализе ролевого маркирования в папуасском языке йимас учитывается порядок индексации в глаголе. Приведенные А.Е. Кибриком примеры похожи на описываемую ниже ситуацию для некоторых языков манде, за исключением того, что в этих языках не проявляется различий в синтаксическом поведении локуторов и не-локуторов и учитывается порядок не клитик, а отдельных лексем. Если мы учитываем порядок местоименных клитик, то почему не должен учитываться и порядок независимых лексем, если индексация в глаголе в этих языках отсутствует? Без учета порядка слов все языки без глагольной индексации и без вершинного маркирования падежей должны считаться нейтральными, включая, например, английский язык, в котором для имен только порядок слов определяет ролевую интерпретацию актантов, причем вполне определенно — по аккумулятивной стратегии (любой субъект ставится перед глаголом, любой объект — после).

⁹ Данные по порядку слов в этих языках были предоставлены А.В. Эрман.

¹⁰ К сожалению, более подробного глоссирования в [39], откуда взят пример, не приводится.

Литература

1. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М.: Наука, 1983.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. Non-Canonical Marking of Subject and Objects // *Typological Studies in Language* / Onishi Masayuki (ed.). Vol. 46. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
4. The World Atlas of Language Structures (WALS) / M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gill, B. Comrie (eds.). Oxford University Press, 2005.
5. Nichols J. *Linguistic Diversity in Space and Time*, Chicago University Press, 1992.
6. Creissels D. *Typology* // Bernd Heine, Derek Nurse (ed.). *African Languages. An Introduction*. Cambridge University press, 2000. P. 231–258.
7. Frajzyngier Z. Ergative and Nominative-Accusative Features in Mandara // *Journal of African Languages and Linguistics*. 6. 1984. P. 35–45.
8. Andersen T. Ergativity in Pari, a Nilotic OVS Language // *Lingua*. 75. 1988. P. 289–324.
9. Aikhenvald A. Yu. Split Ergativity in Berber Languages // *St. Petersburg Journal of African Studies*. 1995. N 4. P. 39–68.

10. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian languages*. Canberra, 1976. P. 112–171.
11. Громова Н. В., Охотина Н. В. Теоретическая грамматика суахили. М., 1995.
12. Rude N. Ergativity and Active-Stative Typology in Loma // *Studies in African Linguistics*. 14. 1983. N 3. P. 265–284.
13. Зубко Г. В. Типология предложения фула (к постановке проблемы) // *Вопросы африканского языкознания*. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 55–73.
14. Выдрин В. Ф. Личные местоимения в южных языках манде // *Acta Linguistica Petropolitana* / Тр. Ин-та лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2006 (6). С. 333–419.
15. Du Plessis J. A. Semantics of Ergative Constructions in Zulu and Xhosa // *African Linguistics at the Crossroads* / R.K. Herbert (ed.). Papers from Kwaluseni. Rudiger Koppe, Koln. 1997. P. 341–350.
16. Dixon R. M. W. Ergativity. Cambridge University Press, 1994.
17. Uhlenbeck C. Cornelis Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen // *Indogermanische Forschungen*. Bd 12. 1901.
18. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. Тбилиси, 1984.
19. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977.
20. Lehmann W. P. Impersonal verbs as Relics of a Subclass in Pre-Indo-European // *Историческая лингвистика и типология* / Под ред. Г. А. Климова. М., 1991. С. 33–38.
21. Тронский И. М. О доминативном прошлом индоевропейских языков // *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов*. Л., 1967. С. 91–94.
22. Bauer B. Archaic Syntax in Indo-European. Berlin; New York, 2000.
23. Shadeberg Thilo C. Kordofanian // *The Niger-Congo Languages: a Classification and Description of Africa's Largest Language Family* / J. Bendor-Samuel (ed.). Lanham; New-York; London: University Press of America, 1989. P. 66–80.
24. Желтов А. Ю., Желтова Е. В. О падежном маркировании предикатива в латыни и древнегреческом: семантика или прагматика? // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI: Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского*. 18–20 июня 2007 г. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 95–102.
25. Moorhouse A. C. The role of the accusative case // *In the footsteps of R. Kühner. Proceedings of the International Colloquium*. Amsterdam, 1988. P. 209–218.
26. Aghem Grammatical Structure / L. M. Hyman (ed.). Los-Angeles: University of Southern California Press, 1979.
27. Awobuluyi Oladele Standard Yoruba focus constructions // *Journal of West African Languages*. XXII. 2. 1992. P. 69–88.
28. Marchese Lynell Atlas Linguistique Kru. Essai de Typologie. Abidjan, 1983.
29. West African Language Data Sheets // *West African Linguistic Society in cooperation with African Studies Centre* / M. E. Kropp Dakubu (ed.). Vol. 2. Leiden, 1980.
30. Vydrine V. Emergence of morphological cases in South Mande: From the amorphous type to inflectional? // *Case, Valency and Transitivity* / L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). Leiden; Nijmegen: John Benjamins Publishers, 2006. P. 49–64.
31. Stevenson R. C. A survey of the Phonetics and Grammatical Structure of the Nuba Mountain Languages with Particular Reference to Otoro, Katcha and Nyimaj // *Afrika und Übersee*. Bd XLI. 1957. P. 27–65, 117–152, 171–196.
32. Omoruyi T. O. On the Internal Structure of the Word in Edo // *Journal of West African Languages*. XX. 2. 1990. P. 90–112.
33. Aaron Uche E. The category of number in Obolo verbal morphology // *Journal of West African Languages*. XXVI. 1. 1996–1997. P. 49–76.
34. Carlson R. A grammar of Supyire. Berlin; New-York, 1994.
35. Hyman L., Magaji D. Essentials of Gwari Grammar // *Institute of African Studies*. University of Ibadan. Occasional publication. 1970. N 27.

36. Kibrik A.E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology // *Linguistic Typology*. 1997. 1. P. 279–346.
37. Halaoui N. La morphologie du pronom en Soninkǎ // *Journal of West African Languages*. XXII. 2. 1992. P. 43–58.
38. Culy Ch. Ambiguity and case marking in Donno So (Dogon) // *Theoretical Approaches to African Linguistics*. Trenton; NJ, 1995. P. 47–58.
39. Wilson W. A. A. Atlantic // *The Niger-Congo Languages: a Classification and Description of Africa's Largest Language Family* / J. Bendor-Samuel (ed.). Lanham; New-York; London: University Press of America, 1989. P. 81–104.